

Бай Муюнь сделал вид, что не заметил странности в голосе собеседника. Подавив импульс немедленно сорваться с места и броситься к нему, он лишь тихо спросил:

— Какую сказку ты хочешь послушать?

Лу Янь шмыгнул носом. Его голос, всё ещё немного охрипший, внезапно приобрёл те самые нежные, почти детские нотки:

— Про Маленького чёрного пса и Дымчатого котика.

«Маленький черный пес и Дымчатый котик» — это цикл сказок, которые Муюнь когда-то сочинял специально для Лу Яня, чтобы тот засыпал под них.

В детстве они оба обожали притчи и волшебные истории. Неподалёку от их школы находилась небольшая библиотека, где по читательскому билету всего за пятьдесят фэней в неделю можно было взять сразу три книги. У Муюня и Лу Яня был один билет на двоих, и когда все сказки в библиотеке были прочитаны по несколько раз, наступил «книжный голод».

Тогда Бай Муюнь взялся за перо сам. Отчасти потому, что ему самому нравилось сочинять, но в основном — чтобы у Лу Яня была новая история перед сном.

В этих рассказах Чёрный пёс был воплощением самого Муюня. Именно поэтому он позже выбрал себе псевдоним Дань Мин Мо: если разобрать иероглиф «Мо», он как раз состоит из частей «чёрный» и «собака». Дымчатый котик, разумеется, был Лу Янем. Образ за образом, Муюнь выстраивал целый мир для своего друга.

Бай Муюнь и не догадывался, что эти простые истории помогали Лу Яню пережить бесконечные ночи, полные тревоги и одиночества. Для Яня та первая рукописная книжка, созданная специально для него, имела сакральное значение.

Кадык Муюня дёрнулся.

— Хорошо, — негромко отозвался он.

— Начни с самого начала, — попросил Лу Янь.

В этой фразе слышался двойной смысл. Лу Яню отчаянно хотелось начать всё с чистого листа: и историю, и их отношения.

Муюнь на мгновение замер, прежде чем протянуть руку к прикроватной тумбочке за книгой. Он тихо вздохнул в знак согласия.

Чтобы сохранить те детские наброски, он когда-то переработал их и издал полноценным томом. Сейчас «Маленький черный пес и Дымчатый котик» считался бестселлером в жанре детской литературы.

— Однажды Маленький чёрный пёс отправился на рынок за покупками...

Голос Бай Муюня, чистый и глубокий, обладал той особой прохладой и чёткостью, которая выдавала в нём профессионального актёра. Каждое слово было выверено, каждая интонация мягко обволакивала, заставляя вслушиваться.

Лу Янь лежал на боку, уютно укутавшись в одеяло и обнимая подушку. Он не сводил глаз с телефона, ловя каждое слово. Даже свист ветра за окном казался лишь гармоничным дополнением к этому неторопливому рассказу. Он закрыл глаза, чувствуя, как внутри разливается забытое тепло и покой.

Спустя полчаса Бай Муюнь уловил мерное, спокойное дыхание Лу Яня. Он отложил книгу и выключил лампу, но звонок сбрасывать не стал. Так он и сидел в темноте, слушая, как его «Дымчатый котик» медленно погружается в мир снов.

С того дня оба с головой ушли в работу.

Конец года всегда был порой суматошной. Бай Муюнь разрывался между делами корпорации, правкой сценариев, обновлением своей новеллы и подготовкой к новой роли. Он даже успел на несколько дней съездить к Фан Чжоуцую, чтобы сняться в эпизодической роли. Лу Янь, в свою очередь, полностью погрузился в подготовку к новому фильму: кастинги, выбор локаций, бесконечные совещания с главами департаментов...

За полмесяца им удалось лишь пару раз перекинуться парой фраз в мессенджере или обсудить идеи для сценария по телефону. Возможности встретиться лично просто не было.

Поездка в город Цяоши, где Бай Муюнь планировал разузнать о прошлом Лу Яня, тоже была временно отложена из-за катастрофической нехватки времени.

Так незаметно подкрался канун Нового года.

Особняк семьи Бай располагался в элитном горном районе города Б. Разумеется, это были не глухие дебри, а заповедная зона, где каждый клочок земли стоил целое состояние.

Миновав пост охраны, Бай Муюнь направил машину вверх по идеально гладкому, широкому серпантину. Склоны вдоль дороги были превращены в ландшафтные сады: полоса роз сменялась зарослями китайских роз...

Каждый раз, проезжая здесь, Муюнь ловил себя на мысли, что буквально едет по «цветочному пути».

Главный дом семьи Бай представлял собой огромную виллу в стиле поместья. Когда-то здесь жили многочисленные родственники, но после того как те устроили грызню из-за наследства, Бай Юэ решительно выставил всех за порог, выделив доли.

Теперь в этих огромных залах жили только сам Бай Юэ, его старший сын Бай Тиншань и обслуживающий персонал.

Остановив машину у парадного входа, Бай Муюнь вышел, передав ключи служащему, чтобы тот отогнал авто в гараж.

Дворецкий Сунь, завидев его, поспешил навстречу:

— Второй молодой господин, с возвращением.

— Здравствуйте, Сунь-бо, — кивнул Муюнь, направляясь в дом. — Где наш Верховный император?

Сунь-бо едва заметно улыбнулся. К тому, что сыновья величали отца «Тайшанхуаном», в доме давно привыкли.

— Господин выпивает с друзьями на смотровой площадке.

Бай Муюнь только покачал головой. Его отец всегда умел развлекаться со вкусом. Он выстроил за виллой смотровую башню высотой в тридцать этажей, на вершине которой располагалась уютная комната с панорамными окнами и террасой.

Бай Юэ утверждал, что оттуда мир кажется огромным, а все заботы — ничтожными. Это, по его словам, мгновенно прочищало мозги и помогало смотреть на вещи шире.

В этом районе дома стояли в сотнях, а то и тысячах метров друг от друга. Невооружённым глазом даже соседские ворота было не разглядеть — лишь бесконечную зелень гор, усеянную пёстрыми пятнами садов. Сидя там, наверху, и впрямь легко было ощутить себя властелином мира.

Бай Муюнь планировал сразу подняться к себе, но со стороны сада донеслись взрывы смеха, среди которых выделялся громовой хохот Бай Юэ. Муюнь замер. Ему говорили, что отец якобы в депрессии после очередного расставания, но этот смех меньше всего походил на страдания разбитого сердца.

Любопытство взяло верх. Обернувшись, он увидел отца в компании старых знакомых, среди которых выделялся бодрый старик с копной седых волос. Бай Юэ о чём-то увлечённо с ним беседовал.

Заметив сына, Бай Юэ замахал рукой:

— О, Сяо Юнь вернулся! Иди скорее сюда, поздоровайся с дядями.

Бай Муюнь подошёл, вежливо приветствуя каждого. Когда очередь дошла до незнакомого старика, Бай Юэ представил:

— А это господин Дунфан Чу.

— Моё почтение, — поклонился Муюнь.

Он знал, что Группа Бай имела деловые связи с кланом Дунфан, а его брат когда-то даже ходил на свидание вслепую с сестрой Дунфан Сю. Но когда их отношения стали настолько близкими?

— Добрый день. А это?.. — Дунфан Чу добродушно кивнул, внимательно, хоть и незаметно, изучая молодого человека.

— Мой второй, Бай Муюнь.

— О? — Дунфан Чу приподнял брови. — Тот самый Киноимператор Бай Муюнь?

— Наш Сяо Юнь — парень с характером, — рассмеялся один из присутствующих, господин Ян.
— Всего добился сам, никогда не козырял именем семьи. Если не знать Лао Бая лично, ни за что не догадаешься, чей это сын.

— Если бы мой оболтус был хоть вполовину так же успешен без родительских денег, я бы от счастья прыгал! — подхватил другой.

— Какое там «киноимператор»! Если бы мой охламон смог прожить на свои деньги хотя бы неделю, я бы уже считал, что жизнь прожита не зря!

Бай Муюнь сохранял на лице маску вежливой скромности, пока дяди соревновались в том, кто изящнее принизит своих отпрысков, попутно превознося его достоинства.

Дунфан Чу тем временем продолжал наблюдать. Вспомнив, как его внучка Сю-сю сходила с ума по фотографиям и фильмам этого актёра, он подумал, что Бай Муюнь стал бы идеальным зятем.

Раньше он считал, что эпоха Баев закончится на Бай Юэ, но Бай Тиншань оказался ещё более хватким дельцом, и Группа Бай уже начала обходить корпорацию Дунфан в ключевых сферах.

Дунфан Чу подумывал о союзе через брак, но с Тиншанем номер не прошёл — тот был слишком скользким типом. Да и Бай Юэ был не из тех, кто станет принуждать сыновей к браку ради выгоды. Этот человек сам до абсурда верил в «великую любовь».

Сегодня Дунфан Чу решил зайти с другого бока — через второго сына. Его внучка прекрасна, она любит Муюня... идеальное совпадение.

Когда поток комплиментов иссяк, Бай Муюнь собрался было уйти, но Дунфан Чу вкрадчиво заметил:

— Моя Сю-сю только и твердит, какой актёр Бай Муюнь талантливый и обаятельный. Теперь я вижу — она ничуть не преувеличивала.

Разговоры стихли. Все мгновенно поняли, к чему клонит старик, и тут же включились в игру.

— О, Сю-сю тоже следит за звёздами? Ха-ха-ха!

Дунфан Чу вздохнул с притворной печалью:

— Эх, молодые девушки... Не могут устоять перед красивым лицом, а уж если за ним стоит такой характер, как у Сяо Юня...

— Давно не видел Сю-сю. Небось расцвела, красавицей стала?

— Сяо Юнь и Сю-сю — ровесники. Ей так нравится его творчество, почему бы им не встретиться? Наверняка нашлись бы общие темы.

— И то верно! Молодым полезно заводить новые знакомства.

Дунфан Чу, довольно улыбаясь, обратился к Муюню:

— Через несколько дней у моей Сю-сю день рождения. Сяо Юнь, не хочешь заглянуть на огонёк?

Муюнь уже открыл рот, чтобы вежливо отказаться, но его опередил отец:

— Звучит заманчиво. Но когда именно у неё праздник? Я как раз планировал устроить сыну свидание вслепую, не хотелось бы накладки!

Улыбка Дунфан Чу слегка померкла.

Присутствующие переглянулись. «Обычно Лао Бай чертовски сообразителен. Неужели он не понял, что старик Дунфан предлагает свою внучку?»

Бай Юэ, как ни в чём не бывало, продолжал:

— Знаете, свидания между парнями — дело тонкое, сложно всё организовать. Так что я очень переживаю за личную жизнь Сяо Юня. Прошу прощения за моё беспокойство.

Дунфан Чу застыл. Остальные тоже впали в ступор.

Господин Ян выдавил:

— Между... парнями?

Этими словами Бай Юэ не просто вежливо отшил сватовство, но и нанёс упреждающий удар, избавив Дунфан Чу от будущего позора, когда правда вскрылась бы. Это был ход высшего пилотажа в искусстве переговоров.

Однако ситуация, в которой отец вот так запросто «выводит сына из шкафа», выглядела... сюрреалистично.

Почему Бай Юэ говорит об этом так буднично, словно обсуждает погоду?

Неужели современное общество стало настолько терпимым?

— Ах, — Бай Юэ добродушно улыбнулся, — мы же все люди образованные, прогрессивные. Надеюсь, никто не страдает предрассудками?

Бай Муюнь, которого только что официально «аутнули»:

—...

Муюнь вежливо попрощался и направился к дому. Отойдя на несколько шагов, он услышал намеренно приглушённый, но всё же разборчивый голос Дунфан Чу:

— Говорят, гомосексуализм — это болезнь...

Муюнь на мгновение замедлил шаг и обернулся. Дунфан Чу как ни в чём не бывало беседовал с

соседом. Бай Юэ, будто тоже ничего не слыша, небрежно бросил:

— Эх, люди старой закалки... никак не поспевают за временем. Устаревшие взгляды — прямой путь на свалку истории... — Дунфан Чу окаменел, а Бай Юэ с улыбкой добавил: — Это я о себе, конечно же!

Собеседник хохотнул:

— Да брось, Лао Бай, ты у нас самый современный!

Бай Муюнь отвернулся, едва сдерживая усмешку. Его старик — тот ещё фрукт.

Вечер кануна Нового года.

Четверо мужчин сидели за праздничным столом, ведя неспешную беседу.

В основном говорил Бай Юэ, единолично удерживая инициативу. Сначала он взялся за личную жизнь Бай Тиншаня, затем переключился на работу и дела Бай Мяо. Бай Муюнь по обыкновению был немногословен, в основном слушал, лишь изредка вставляя комментарии.

Атмосфера была на редкость гармоничной.

Пока очередь не дошла до самого Муюня.

— Сяо Юнь.

— Да?

— Чу Цзяньцин или Лу Янь — на кого ты положил глаз?

Бай Муюнь едва не поперхнулся водой. Тиншань и Сяо Мяо тут же уставились на него с неприкрытым любопытством.

Бай Юэ задумчиво продолжил:

— Я навел справки об этих двоих. Хм... У Чу Цзяньцина слишком серьёзное покровительство. Если он тебе нравится, стратегия «силового захвата» не сработает.

Бай Мяо озадаченно моргнул:

— А если покровительства нет, то можно принуждать?

Бай Юэ одарил младшего ласковым взглядом:

— Вовсе нет. Просто в таком случае выбор инструментов становится шире.

— А... — протянул Мяо.

Тиншань легонько хлопнул младшего брата по затылку:

— Не слушай чепуху, которую несёт отец.

Бай Юэ, закончив дразнить младшего, вернулся к Муюню:

— А вот у Лу Яня за спиной никого нет. Так что если Сяо Юнь захочет...

— Со своими делами я разберусь сам. Пожалуйста, не вмешивайтесь.

— О-о... Значит ли это, что в следующем году ты кого-то приведёшь в дом?

Бай Муюнь помолчал секунду и ответил:

— Посмотрим.

Бай Юэ отставил шутки и принялся неспешно выбирать закуски.

— Дунфан Чу уже старик. Его взгляды закалились, как гранит. Сейчас делами заправляет его сын, так что на слова этого деда можешь не обращать внимания.

— Он не стоит того, чтобы я о нём думал.

Бай Юэ чуть не забыл: его второго сына никогда не заботило чужое мнение. Если бы кто-то рискнул оскорбить Муюня в лицо, тот бы вежливо дослушал до конца, а затем сухо бросил: «Ясно. Дайте пройти, вы загродили дорогу».

И хотя его лицо при этом оставалось бы бесстрастным, в его взгляде любой безошибочно прочитал бы: «Ну и идиот».

Сегодня, когда Муюнь обернулся на Дунфан Чу, в его глазах читалось именно это — глубокое сомнение в психическом здоровье старика.

Бай Тиншань уточнил:

— Что он сказал?

— Это неважно, — Бай Юэ с гордостью посмотрел на старшего сына. — Наш Тиншань рано или поздно пустит всю Корпорацию Дунфан по миру.

Тиншань замер с палочками в руках:

— Папа, ты ведь не планируешь снова заикнуться о выходе на пенсию?

— Вчера твои тётки и дядя снова одолевали меня звонками... Ох, голова раскалывается, — Бай Юэ мастерски изобразил страдание.

— И поэтому голова должна болеть у меня? — Тиншань вздохнул, заметив, как Сяо Мяо сосредоточенно поглощает еду, стараясь не отвечивать. — Сяо Мяо, как закончишь свои благотворительные дела в глуши, возвращайся в компанию, будешь мне помогать.

Внезапно ставший мишенью Бай Мяо возмутился:

— Почему не второй брат?! Я же ничего в этом не смыслю!

— У меня своя компания, — отрезал Бай Муюнь и, подумав, веско добавил: — И я очень занят.

<http://bllate.org/book/18159/1758656>